

Онин Денис Александрович

аспирант

ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»

г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский Автономный округ – Югра АО

DOI 10.31483/r-152365

## К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВЫХ ЛЕКСЕМ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

*Аннотация: в статье представлены проблемы, связанные с отсутствием эквивалентности специальной национально-хантыйской культовой терминологии в русском языке, как языка научного описания для изложения особенностей хантыйских культовых реалий. Поэтому необходимо с помощью методов описания и анализа терминологий, выработать возможности реализации в специальной культовой лексике хантыйского языка перевода терминов. Исследование показывает, что наиболее актуальными представляются случаи пословного перевода и перевода иноязычного термина с помощью описательного оборота.*

*Ключевые слова:* языковая картина мира, верования, лингвистика, перевод, лексема.

Выявление и изучение языковых средств, выражающих верования в картине мира хантыйского языка, является одной из ключевых в исследовании лексического состава хантыйского языка. Однако, как показывает анализ материала, в процессе изложения на языке научного исследования, которым является русский язык, возникают важные и актуальные терминологические трудности репрезентации специальной культовой хантыйской лексики, связанные с «проблемой использования специальной лексики как элемента распределения содержания в переводных текстах и проблемой перевода терминов, подбора соответствий» [1, с. 241]. Соответственно с этим, опираясь на специальные работы по терминоведению, попытаемся определить эти трудности. Так, по мнению С.В. Гринев-Гриневич, «с точки зрения трудности понимания и перевода терминов возможно их деление на три группы: термины, обозначающие иностранные реалии, идентичные отечественным

реалиям; термины, обозначающие иностранные реалии, для которых отсутствуют отечественные реалии, но есть общепринятые терминологические эквиваленты; термины, обозначающие иностранные реалии, идентичные отечественным реалиям, для которых отсутствуют отечественные аналоги и нет общепринятых терминологических эквивалентов [1, с. 243; 4].

В исследуемом хантыйском материале, если отсутствует эквивалент переводному термину, то наблюдаются следующие нижеописанные случаи: пословный перевод и перевод иноязычного термина с помощью описательного оборота. Рассмотрим их более подробно.

В работе М.А. Лапиной «Этика и этикет хантов», в разделе посвящённой этике социальных взаимоотношений, в т. ч. и элементам сакральной лексики ханты [3, с. 33–41], к хантыйской единице *Mir ванты ху* приводится вариант перевода «За миром наблюдающий мужчина» [3, с. 35], представляющий «пословный перевод (структурное калькирование)», при котором учитываются «тенденции терминообразования в разных языках» с помощью которых появляется «возможность передачи» хантыйских «терминов-словосочетаний русскими сложными терминами» [1, с. 243]. Например, термин, обозначающий хантыйскую реалию *Мир ванты ху* (ср.: букв. *мир* «мир» + *ванты* «смотреть» + *ху* «мужчина») не имеет аналога в русском языке и, соответственно, не существует «терминологического эквивалента» в русском языке [1, с. 243]. Ср.: другие примеры: *йем хор* «священное изображение» (букв. *йем* «святой» + *хор* «изображение»), *йеман як* (*јемәң jak*) «священный танец» (букв. *йемәң* «святой» + *як* «танец»), *woj jak* «звериный танец» (букв. *woj* «зверь» + *jak* «танец»), *luŋk jak* «танцы духов» (букв. *luŋk* «божество» + *jak* «танец»). В этих лексических единицах наблюдается калькирование, произошедшее путем буквального перевода (обычно по частям) слова.

Аналогичное наблюдается в переводах следующих реалий: *Turm аици* (*turəm аици*) «Небесный отец» [3, с. 36] (ср.: букв. *турəм* «небо» + *аици* «отец»). Однако в таких языковых единицах преобладает значение близкое к «семантическому калькированию» [1, с. 243], свойственный аналогично и таким единицам как: реалия

Тэ́к и́ки «дух-покровитель Тегинский старик» (букв. *Тэ́к* «д. Теги» + *ики* «старик, мужчина»), являющаяся духом-покровителем «социальной группы тэ́кн ёх (текәј јоχ) «тегинские люди или люди с Тегинской протоки»» [3, с. 35] (букв. *тэ́кәң* «тегинский» + *йох* «народ»); реалии, имеющие отношение к родовым женским духам и природным стихиям *Турм эви* «Небесная девушка» (букв. *турәм* «небо» + *эви* «девушка»), *Инк-ворт эви* «Водяного царя дочь» [3, с. 49] (букв. *йиңк* «вода» + *ворт* «прадитель» + *эви* «девушка»); *χatt-imə* «Солнце-старуха» (букв. *χatt* «солнце» + *imə* «женщина»). В этом случае переводимые единицы получают новое значение в языке, на который осуществлен перевод, в частности на русский язык, т.к. таких реалий и номинаций в этом языке не существует.

В случаях, когда невозможно передать понятие, то довольно часто тогда в переводах транслирование значения происходит с помощью описательного оборота-перевода, где одна из лексем будет иметь показатель падежа, например, как в хантыйском благопожелании: шур. *Йাম номасн* «С добрыми-хорошими мыслями» (букв. *йам* «хорошо» + *номас* «мысль» + суфф. -н показатель местно-творительного падежа). В хантыйском термине выражения недовольства используется языковая единица *шур. йидта хүвлүм от* «нечисть» (букв. *йидта* «снизу» + *хүвлүм* «выплывший» + *от* «нечто»). Здесь смысл понятия неудовлетворения в переводе на русский язык передается с помощью развёрнутых (слово)сочетаний, слов, буквально обозначающих описательный оборот *йидта хүвлүм от* «снизу возникшее нечто» с помощью, которого раскрываются существенные признаки, обозначаемые в хантыйских реалиях. Приведем ещё примеры: *сынск.* «*Кейв ур ху акем ики* «дух-покровитель групп Сеня ёх и Кун авыт ёх»» переводится как «(Каменный ненец дядька старик)» [5, с. 134] – *kew ur χi akem iki* образовано в действительности благодаря следующим составляющим: (букв. *kew* «камень»+ *ur* «ненец» + *χi* «мужчина» + *akem* (=*aki* «дядя» + *-em* – лично-притяжательный показатель, указывающий на 1-е лицо, ед. ч. «=дядя (мой)») + *iki* «мужчина»); лексическая единица «*Айем хуици йехлап вэрт* «Лук имеющий могучий дух (покровитель реки Куноват)»» [5, с. 134] – *ajem χүси jeχlap wurt* образовано от *ajem* (=*aj* «младший» + «-em – лично-притяжательный

показатель, указывающий на 1-е лицо, ед. ч. «=младший (мой)»)» + *χuši* «к – по-слелог» + *jeχlap* (=*jeχəl* «лук» + *-ap* – «отглагольный суффикс со значением орудие действия (=предмет, связанный с действием)» [2, с. 42] + *wurt* «дух-покровитель» + *iki* «мужчина») и т. д.

Таким образом, в силу того что представленные хантыйские культовые реалии отсутствуют в русском языке, и не имеют достаточной переводной эквивалентности в русском языке, то важно выбрать адекватный вариант перевода, на который необходимо дать название реалии на русском языке. Данная проблема является сложной «из-за несоответствия терминологий» [1, с. 241], в связи с чем приходится выбирать вариант перевода, представленный в немногочисленных источниках и терминологических словарях по хантыйской религиозно-культурной лексике, либо уточнять в ходе сбора и актуализации исследуемого материала. Что же касается «вариантности перевода терминов, то она является вполне нормальным объективным явлением, обусловленным тем, что национальные терминологии развиваются в разных социально-культурных и исторических условиях» [1, с. 241–242].

### ***Список литературы***

1. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.В. Гринев-Гриневич. – М.: Академия, 2008. – 304 с. EDN VRDUHV
2. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка / А.Д. Каксин. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – 134 с. EDN ZCGMNN
3. Лапина М.А. Этика и этикет хантов / М.А. Лапина. – Томск: Издательство Томского университета, 1998. – 115 с.
4. Нелюбин Л.Л. Перевод боевых документов армий США / Л.Л. Нелюбин. – М.: Воениздат, 1989. – 270 с. EDN UCZCRD
5. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история / Е.В. Перевалова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 414 с. EDN RVEBAL